

ДОБЫЧА — ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЕ

КРУПНЕЙШИЕ В МИРЕ КОМПАНИИ, ДОБЫВАЮЩИЕ НЕФТЬ И ГАЗ, НЕ ЧАСТНЫЕ ГИГАНТЫ, ТАКИЕ КАК EXXONMOBIL, SONOCO ИЛИ SHELL. НАИБОЛЬШИЕ МИРОВЫЕ ЗАПАСЫ НЕФТИ ПРИНАДЛЕЖАТ САУДОВСКОЙ SAUDI ARAMCO, ГАЗА — РОССИЙСКОМУ «ГАЗПРОМУ», КРУПНЕЙШИЙ ДОБЫТЧИК УГЛЕВОДОРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ — НОРВЕЖСКАЯ STATOIL. ВСЕ ЭТИ КОМПАНИИ ОБЪЕДИНЯЕТ ОДНО: ВЛАСТЯМ ЭТИХ СТРАН ПРИНАДЛЕЖИТ КАК МИНИМУМ КОНТРОЛЬНЫЙ ПАКЕТ ИХ АКЦИЙ.

ПЕТР САПОЖНИКОВ

РЕДАКТОР «BUSINESS GUIDE НЕФТЬ И ГАЗ»

ОСНОВА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Нефть и газ — основа мировой экономики, как ни банально звучит это утверждение. Все остальные отрасли непосредственно зависят от того, в каком состоянии находится сегмент мирового хозяйства под названием нефтегазодобыча. Металлургия и сельское хозяйство, электроэнергетика и легкая промышленность, автомобилестроение и даже производство предметов роскоши в конечном итоге зависят от мировых цен на энергоносители. При этом, от того, является ли та или иная страна «энергетическим придатком» мировой экономики или нет, зависит состояние остальных отраслей ее промышленности. Рост мировых цен вызывает всплеск потребления в добывающих странах и снижение производства в государствах, которые обделены энергоресурсами. В долгосрочной перспективе цена на углеводороды будет только расти, поскольку они являются невосполнимым ресурсом. Ведь сгорев в двигателе внутреннего сгорания или силовой установке электростанции, горючее исчезает навсегда. Этим углеводородные запасы так невыгодно отличаются от всех остальных, таких как металлы или, скажем, лес.

Однако большинство государств, добывающих нефть и газ не только для собственных нужд, но и на продажу в другие страны, стремятся как можно скорее объявить энергоресурсы своим «национальным достоянием» и заполнить контроль над финансовыми потоками от экспорта. При этом не только в виде изъятия сверхдоходов у частных компаний, но и заполучив сами добывающие мощности. Так работает нефтяная отрасль во многих ближневосточных странах — в частности, в Саудовской Аравии, в которой государственная Saudi Aramco контролирует весь процесс добычи нефти, а бюджет страны на 80% наполняется за счет доходов нефтяного сектора. Впрочем, когда-то все было иначе: несколько десятилетий назад почти всю нефть в королевстве добывала американская Arabian American Oil Company, у которой власти королевства к 1980 году выкупили все 100% акций компании.

В России наблюдается схожий процесс. Правда, его можно объяснить историческими причинами. Нефть в России добывается более 100 лет (в конце XIX века в Чечне ее добывали казаки), все время существования Советского Союза нефтегазовая промышленность, как, впрочем, и вся остальная, принадлежала государству. Нынешние власти России воспринимают эту отрасль народного хозяйства как основу российской государствен-

ности, сильной державы, имеющей важное значение для мировой экономики. Поэтому всего за год Россия, используя различные методы (от изъятия «Юганскнефтегаза» у ЮКОСа за начисленные ему налоговые долги до покупки «Сибнефти» у ее акционеров по вполне рыночной цене) увеличила государственную долю в нефтедобыче до трети, одновременно вернув себе контрольный пакет акций «Газпрома», который добывает 90% российского газа. В дальнейшие планы государства наверняка входит увеличение контроля над нефтедобычей до половины ее российского объема.

НЕФТЕГАЗОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

Стоит отметить, что у такой «государственности» есть определенные риски. Если в долгосрочной перспективе цена на нефть будет только расти, не исключено и резкое падение ее стоимости в будущем. Время от времени кризисы перепроизводства случаются и на этом рынке. Уже позабыт финансовый кризис 1998 года, приведший к дефолту в России и краху мирового нефтяного рынка — ровно семь лет назад цена барреля российской Urals составляла труднопредставимую сейчас цифру \$9. В краткосрочной перспективе рынок нефти труднопредсказуем. К тому же большинство сделок по купле-продаже нефти — разовые (они называются spot). Покупатель и продавец сырья на нефтяной бирже — это структуры, весьма далекие как от нефтекомпаний, так и от конечных потребителей топлива. Нефтяные брокеры не заключают друг с другом долгосрочных соглашений. У одного есть клиент с танкером нефти, который тот хочет продать, а у другого — покупатель с деньгами, которые он намерен потратить для получения дальнейшей прибыли.

Разумеется, такой рынок в гораздо большей степени подвержен краткосрочным, но весьма существенным колебаниям цен, чем любой другой. А поскольку потребители в состоянии покупать конечные продукты нефтепереработки в широком диапазоне цен, исходные нефтяные цены тоже «гуляют» в достаточно широком коридоре.

В случае, если цена на нефть упадет ниже определенной величины (скажем, \$25 за баррель), отвечать за поддержание добычи нефти и газа в России придется прежде всего госкомпаниям и работать им придется себе в убыток. Вряд ли спрос с них будет таким же строгим, как с «частников». Однако от ухудшения их финансового положения государственный бюджет пострадает сильнее, чем от снижения показателей частных компаний.

И в этой ситуации лучше всего себя будут чувствовать те страны, которые не имеют такой явной зависимости от экспорта углеводородов. Как показывает практика последних десятилетий, именно те государства, которые обделены нефтью и газом, быстрее находят пути для дальнейшего развития национальных экономик. ■

АРВЕ ЙОНСЕН

ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ STATOIL

МЫ НЕ ПОДОЗРЕВАЛИ, ЧЕМ БОГАТЫ

Еще в начале 60-х годов прошлого века никто не верил, что Норвежский континентальный шельф содержит углеводородные месторождения, а в Норвегии не было нефтяной промышленности как таковой. Первое коммерческое открытие в норвежском секторе Северного моря было сделано в 1969 году американской Phillips Petroleum. Месторождение получило название Экофиск. В тот момент норвежское правительство не имело представления о размерах своих новых ресурсов и не могло даже вообразить будущий размах нефтегазовой добычи. Но когда в 1971 году французская Elf объявила об открытии нового большого газового месторождения Фригг, стало очевидно, что Норвегия стоит на пороге новой индустриальной эры.

Я возглавил Statoil 33 года назад — эта компания была создана для освоения углеводородных ресурсов, обнаруженных на континентальном шельфе Норвегии. Это был смелый политический, технологический и экономический проект. Сложность состояла в том, что нам пришлось создавать с нуля бизнес в области, о которой мы ничего не знали.

Первоначально компания создавалась исключительно как национальная. Однако вскоре с увеличением объемов добычи наряду с национальными задачами стали вырисовываться и международные перспективы. Стало понятно, что рост и развитие Statoil в долгосрочной перспективе будут зависеть от возможности работать на международной арене.

Поскольку норвежская нефтяная промышленность не имела необходимых знаний и опыта для осуществления нефтегазовых операций, норвежское правительство пригласило к работам на континентальном шельфе страны ведущие международные нефтяные компании. В партнерстве с международными компаниями, выполнявшими, как правило, роль операторов проектов, Statoil начала освоение норвежского шельфа, одновременно приобретая знания и наработывая собственный опыт. Теперь такая модель развития национальной нефтегазовой промышленности по праву называется норвежской.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПО-НОРВЕЖСКИ

На этапе становления норвежской нефтегазодобывающей отрасли мы привлекали иностранные компании, декларируя основной принцип их участия — избежание налогообложения до получения прибыли, то есть ограничение или исключение налогового бремени на компании в период стадий разведки и разработки. Мы специально решили сделать разведку «недорогой» (сделав затраты на разведку полностью вычитаемыми из прибыли компании) и по-

пытались избежать валовых налогов (платы за право разработки недр). Однако если деятельность в виде успешной разведки, разработки и эксплуатации приводила к получению прибыли, то налоговая система была построена таким образом, чтобы обеспечить существенную «правительственную долю» в прибыли.

Основной лозунг «норвежской модели» гласил: Норвегия хочет привлечь компании к активной разведке, поэтому мы не хотим на этом этапе добавлять им обременение. Однако после того, как открыто месторождение, которое обеспечивает существенную прибыль, норвежское общество вправе рассчитывать на свою справедливую долю прибыли. Что в результате получилось, прекрасно знают нефтегазодобывающие компании всего мира.

В такой небольшой стране, как Норвегия, большая часть добытых энергоресурсов должна поступать на экспорт. Поэтому Statoil с самого начала развивала маркетинговую организацию для продажи добытого сырья за границу. Это позволило компании стать одним из ведущих мировых поставщиков нефти и важным игроком на европейском газовом рынке.

Будучи руководителем Statoil в 80-е годы, я определял необходимость разработки новых для того времени технологий. В том числе транспортировки многофазных углеводородных потоков — когда с шельфа транспортируется одновременно весь спектр добываемого сырья, а затем уже разделяется на составляющие: нефть, газ, конденсат. Не имея никаких гарантий успеха, Statoil выделила на разработку этих технологий \$100 млн и добилась успеха. Многофазная транспортировка по трубопроводам на большие расстояния представляет собой реальный технологический прорыв. Совместно со строительством подводных добычных сооружений эта технология сыграла решающую роль в освоении запасов норвежского участка шельфа Баренцева моря.

СОСЕДИ ПО БАРЕНЦЕВУ МОРЮ

Я оставил Statoil в 1988 году, но продолжаю следить за новостями, происходящими в компании. Деятельность Statoil развивалась в двух направлениях: из региона Северного моря — дальше на север, а также из районов с относительно небольшой глубиной — в более глубоководные. Кроме того, компания прошла длинный путь развития от надводных массивных бетонных платформ до конструкций, располагающихся на морском дне и невидимых на поверхности.

Сейчас она активно расширяет свою международную деятельность за счет геологоразведки, разработки и добычи в разных странах мира. Statoil рассчитывает работать и в России, и я с удовольствием наблюдаю за тем, как компания участвует в важных исследованиях, касающихся освоения Штокмановского месторождения в Баренцевом море.

Россия обладает исключительным технологическим потенциалом, в том числе благодаря исследованиям в космосе и ядерным технологиям. А Норвегия, пожалуй, наибольшим опытом освоения месторождений в таких климатических и географических условиях, в которых расположен Штокман. Теперь наши пути пересеклись. ■

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

КОЛОНКА STATOIL